

Наш СОБЕСЕДНИК

народный артист РСФСР Петр Петрович ГЛЕБОВ

Народный артист Российской Федерации Петр Петрович Глебов может часами говорить о Подмосковье. Его людям, природе, памятным встречам на этой земле. Для него Подмосковье — близкий сердцу, родной край. Отсюда, собственно, взяла истоки жизненная и творческая биография этого талантливого исполнителя многих запомнившихся массовому зрителю образов, созданных им на сцене и в кино.

Многие видели его в известных спектаклях Московского драматического театра им. К. С. Станиславского. И уж, конечно, большинство — миллионы людей — встречалось с Петром Глебовым на экране: в ролях Григория Мелехова в трехсерийной киноэпопее «Тихий Дон», Половцева в «Поднятой целине», майора Лунина в «Балтийском небе», Сальери в фильме «Моцарт и Сальери», — или имеют представление о нем по таким лентам, как «Освобождение», «Морской характер», «Иоланта», «Кочующий фронт», «Пламя», «Сердце Бониура», «Емельян Пугачев».

А тот, кто близко знаком с творчеством Петра Глебова, непременно отдаст должное широте его актерского диапазона, глубине художнического видения, той правде жизни, что отличает образцы созданных им героев... Вернемся, однако, к связям Петра Петровича Глебова с Подмосковьем...

ВЕРШИНА — ЭТО ПРАВДА ЖИЗНИ

— Петр Петрович, однажды, когда речь зашла о сыгранной вами в «Тихом Доне» главной роли, об успехе, выпавшем на ее долю, вы, помнится, сказали такую фразу: «Не удивляйтесь, но ведь мой донской казак Григорий Мелехов, каким он предстал на экране, вышел отчасти из Подмосковья...».

Говоря так, вы, очевидно, имели в виду свои детские годы, прошедшие под Москвой, полученные здесь знания деревенской жизни, сельского быта, а может, и что-то еще, чему суждено было оставить след в сердце и памяти?

— Вы правы, тут я имел в виду и детские годы, и кое-что иное, тоже для меня незабываемое. Но начать, пожалуй, следует все-таки с детства.

Действительно, в своего Григория Мелехова — этот сложный, притягательный, буквально захвативший меня шолоховский образ — я привнес многое из того, что впитал в себя сначала мальчиком, затем подростком на подмосковной земле, где жил в поселке Дарьино бывшего Звенигородского, ныне Одинцовского района. Здесь, в Дарьине, Жаворонках да еще в соседнем селе Успенском, куда ходил пешком в школу, и познавал я деревенский быт.

Познавал не со стороны. Таскал воду, колол дрова, пас лошадей, часто отправлялся с ребятами в ночное, а стало быть, сизмальства приобрел навыки верховой езды и полюбил коней.

Позже косил, пахал, охотился в местных лесах на белок. А по вечерам были гармонь и песни до утренних туманов. На всю жизнь сохранились в памяти запахи леса, парного молока, свежеспаханной земли, луна в звездном небе за околицей, чистый девичий смех. Дорого это мне, дорого все это было и шолоховскому Григорию, на том, значит, и сошлись отчасти...

— Насколько мне известно, Петр Петрович, в том же Дарьино в детстве впервые соприкоснулись вы и с миром прекрасного — театральным искусством, правда, поначалу самодеятельным?

— Верно. Этим я обязан братьям, в первую очередь старшему. У мамы нас было пятеро. Дети от двух отцов, мы жили тем не менее дружно и помогали матери, рано овдовевшей после второго брака (мой отец умер в 1922 году), всем, чем могли. Не забывали, конечно, и развлечения. Кроме дружбы с природой, поездок в ночное, охоты, появилось у нас еще одно любимое занятие — все мы увлеклись самодеятельным театром.

Приобщил нас к нему старший брат по матери — Григорий Кристи. Ему нравилось, как говорили в ту пору, «представлять», и вскоре он взялся за постановку любительских спектаклей. Кстати, позднее Григорий Кристи работал ассистентом, затем режиссером в оперно-драматической студии Константина Сергеевича Станиславского, под его руководством, а годы спустя стал доктором искусствоведения. В то же время, о котором речь, он начинал с самодеятельного театрального кружка и вовлек всех братьев в созданную им «труппу».

Репетировали мы прямо за поселком: то в лесу, то в поле, то в овраге. На месте репетиций сооружали нехитрые декорации, левушки шили нам костюмы. Детуш в Дарьине отдыхал на даче Константин Сергеевич Станиславский. Нередко он приходил к нам, ребятам, на репетиции и даже послушутя-полу-серьезно режиссировал эти детские спектакли.

Как и другие дачники, Константин Сергеевич охотно бывал на наших премьерх. Помню, после одного спектакля по пьесе Карло Гоцци «Любовь к трем апельсинам» он устроил его разбор, дал оценку нашей игры. Вообще ни на премьерх, ни на репетициях Станислав-

ский никогда не оставался сторонним наблюдателем. В связи с этим вспоминаю забавный случай. Однажды Константин Сергеевич буквально замучил моего брата Федю Глебова. Между прочим, ныне Федор Петрович Глебов — заслуженный художник Российской Федерации, известный пейзажист, любит, кстати, писать пейзажи Подмосквья и часто выставляет их на выставках. Тогда же он был, как и все мы, самодеятельным актером. Так вот, наш Федя репетировал в роли короля. Станиславский учил его сидеть на троне. Сидеть гордо, прямо, величественно. Представь, говорил он Феде, что ты видишь со своего трона не только Дарьино, Жаворонки, но даже Москву, так что высоко сиди. В общем, наш Федя таянулся-таянулся да и свалился вдруг с самодеятельного трона в овраг.

— Значит, уже в те годы, Петр Петрович, вы, надо полагать, решили стать профессиональным артистом?

— Нет, представьте себе, это решение пришло ко мне гораздо позже. После семилетки я поступил в мелиоративный техникум, окончил его, работал мелиоратором, профессия эта мне нравилась. Впрочем, и в те годы нет-нет да и возвращалась ко мне былая привязанность к театру. Как-то по пластинке выучил я диалог Чичикова с Собакевичем в исполнении Топоркова и Тарханова, а потом часто выступал с ним на сцене.

— Затем наступило время, когда эта привязанность, судя по всему, одержала над остальным верх?

— Да, такое время пришло. В 1937 году я решил поступить в тогдашнюю оперно-драматическую студию Константина Сергеевича Станиславского. На экзамене читал известный уже вам диалог Чичикова с Собакевичем, басню Крылова «Два мужика» и какой-то детский стишок. Экзамен принимал Станиславский, чтение мое ему понравилось, и я был принят в студию.

Начались годы учения у великого режиссера и прославленных мастеров МХАТа. На сцене я выступил впервые в чеховском спектакле «Три сестры» в роли Родэ. Спектакль был выпущен студией после смерти Константина Сергеевича, но работа над ним велась под его руководством.

— Петр Петрович, я понял так, что, помимо детства, счастливой встречи со Станиславским, вас связывает с Подмосковьем и нечто иное, тоже, как вы сказали, незабываемое.

— Да, связывает и нечто иное — незабываемое, но — увы! — тревожное и грозное воспоминание. Это война. В начале августа 1941 года группа молодых артистов — выпускников студии К. С. Станиславского, — хотя и имела право на отсрочку от призыва, пошла добровольцами в подшефный 193-й зенитно-артиллерийский полк. Через год, 7 ноября 1942 года, за проявленную отвагу в боях с фашистами, за стойкость и мужество личного состава он стал гвардейским. Вначале у нас был, как шутили в полку, актерский расчет. В него, кроме меня, входили Юрий Леонидов, ныне народный артист РСФСР, актер МХАТа, Галикс Колчицкий, тоже мхатовец, заслуженный артист РСФСР, другие актеры. Потом все мы стали сержантами, командирами орудий. В этом качестве я и прошел всю войну. Но первые мои бои были под Москвой. Самый первый и тяжелый у станции Очаково. Тогда и после по несколько раз в сутки отражали мы налеты вражеской авиации. Еще помню, как нас, зенитчиков, сняли с противовоздушной обороны и поставили на противотанковую позицию — снаряды 76-миллиметровых пушек хорошо пробивали броню... Последствиями школа войны также помогала мне постигать правду жизни на сцене театра и в кино.

— В первую очередь вы имеете в виду роль майора Лунина в «Балтийском небе»?

— Не только его. Солдатская школа пригодились мне во многих других спектаклях и фильмах — «Кочующий фронт», «Морской характер», «Неизвестный, которого знали все». Да и в работе над шолоховскими образами. Думаю, что не только духовному, но и физическому слиянию с образом Григория Мелехова способствовало и знание деревни, и кавалерийские навыки, и то, что, как он, прошел я войну, пусть другую. Ведь надо же было убедить зрителя: именно этот человек воевал, мог, в частности, командовать казаками сотнями, а это, согласитесь, непросто. Вот почему я был счастлив, когда Сергей Аполлинарьевич Герасимов сказал однажды: «Григорий жил в Глебова, надо было только открыть его...».

— А что вы цените в актере больше всего?

— Способность достигать в образе максимальной правды жизни, или, как говорил Константин Сергеевич, «жизни человеческого духа». Он предлагал не то что судьбу — каждое слово пропускать через сердце и свою душу.

— Петр Петрович, последнее время вы преимущественно снимаетесь в кино. Но до этого долгие годы был театр. Что, на ваш взгляд, дал он вам?

— Театр дает актеру, в том числе дал и мне, отточенность внутренней жизни, способность органично сливаться с образом, которая приходит тогда, когда играешь роль на одном дыхании, в один вечер. Потребность в таком органичном слиянии с образом есть, разумеется, и в кино. Во время работы над «Тихим Доном» я очень волновался, когда при съемке отдельных сцен приходилось «дробить» дорогой мне по настроению эпизод. Это состояние ощущал и Герасимов. «Будем снимать сцену целиком, на одном дыхании», — предлагал он.

— В общем, это правда жизни... Какие роли в кино после Мелехова вы считаете наиболее удавшимися?

— Вопрос сложный. Все роли по-своему дороги. И все же попробую ответить. Пожалуй, Сальери в фильме «Моцарт и Сальери», роль кулака Сторожева в «Одиночестве», психологически сложный образ атамана Федулова в фильме «Емельян Пугачев», который только что вышел на экран. Скажу еще так: что труднее достается, требует напряжения, мук творчества — в том удача. Впрочем, и в такой роли видишь потом изыаны. Мне кажется, каждый человек, художник в особенности, не может быть спокоен, доволен тем, чего достиг. И хочется верить: твоя главная роль, самая трудная, а потому и самая удачная, — впереди.

— От души желаю вам такой роли. Думаю, подмосковные зрители охотно присоединятся к этому пожеланию. Кстати, последний вопрос: ваши связи с Подмосковьем сохранились?

— Да, эти связи живы — и творческие (я часто выступаю в области, прежде всего, конечно, в Одинцовском районе), и чисто человеческие. Поблизости от Дарьино, в деревне Таганьково, я постоянно снимаю дачу. Часто бываю на конном заводе, в Успенском. Не забываю любимый спорт. Между прочим, дочери мои Ольга и Елена, теперь уже взрослые, с детства на лошадях и тоже пристрастились к конному спорту. Елена, артистке МХАТа и кино, это, уверен, как и мне, пригодится.

Самое любимое занятие у меня — бродить по местным лесам. Нередко это прогулка с ружьем: я ведь охотник к тому же. Словом, о Подмосковьем можно говорить без конца. А если кратко — это родной край.

Беседу вел
О. ВАВИЛКИН.